

Дизайн автора

Мой зимний кайтинг-2013

Ветерок приличный, но не убийственный, как в прошлый раз, когда я выдержал его всего минуту: страшная скорость и единственное желание – прекратить этот мазохизм. Тогда я поднял кайт над головой, чтобы умирить свирепую тягу. Меня пронесло по инерции вперед, кайт остался за спиной, что чревато, и, как следствие, я потерял управление, наехал на стропы, одну разрезал кантом правой лыжины – на том катание и кончилось. С севера дуло так, что по заливу шла жесткая поземка, все снежные холмики превратились в когтистые лапы неведомых зверей...и ни одного кайтиста, кроме меня, психа. Считается, что ветер больше 12 м в секунду – опасен. Хотя я брал тогда свой малый кайт (парафойл), с небольшой парусностью.

Ну а тут солнце, и ветер хоть и резв, но не смертелен, почему я и взял свой большой кайт. Распаковался довольно быстро, и ноги довольно легко влезли в горнолыжные ботинки (не как обычно), для чего я изобрел ноу-хау: нагреваю ботинки предварительно на батарее, а затем упаковываю в две полиэтиленовые сумки, сверху и снизу - так что я вынул их из рюкзака еще тепленькими. А теплый ботиночный пластик гораздо податливее для ноги. Трапеция — типа спасательного пояса с ляжками, перехватывающими бедра — надета и плотно подогнана. Все как подобает...

Над заливом в чистом небе плавали – я подсчитал – семь кайтов. Я -восьмой. Ветер подавал изрядно, и, чтобы снарядить кайт, нижний его край пришлось присыпать снегом. Но вот я потянул за стропы, кайт приподнялся, наполнился северным ветром, я еще потянул - он отряхнулся от снега и взлетел, потянув за собой мощью в лошадиную силу, а то и в две...

Северный или южный ветры для василеостровского питерского кайтиста, то есть для меня – это лучший вариант. Это значит – ты несешься перпендикулярно берегу Финского залива от «Морской набережной» вдаль, а потом, развернувшись, летишь обратно. Очень удобно, тогда как, например, восточный ветер (со стороны города) может отжать тебя далеко от берега, и попробуй потом, хоть галсами, вернуться. И вот я понесся под кайтом с умеренной скоростью вдаль. Условия идеальные. Наст на сантиметра три присыпан свежеснеженным, я мчусь на два маяка вдали, обозначающие фарватер для судов, идущих из города на Кронштадт и Петергоф и обратно.

До маяков было километра четыре, но ветер дул ровно, лыжи хорошо скользили. Мой фиолетовый, с красным правым ушком кайт плыл напротив солнца, заслоняя меня от него, его тень мчалась чуть позади меня справа, а когда я опускал кайт, делая им восьмерку, солнце резко ударяло по глазам, и все вокруг было ярким, белым, ослепительным и, пожалуй, прекрасным. Под лыжами то шуршание наста, то гул наледи, то шипение тормозящих снежных наносов... и вскоре я уже был у финиша.

Маяки оказались довольно серьезными сооружениями на бетонных сваях, видимо, вбитых в дно. Когда начнется летняя навигации, надо будет посмотреть, как они светят. Итак, возле ближайшего маяка я развернулся, чтоб пуститься обратно, удивляясь, что у меня все пока так гладко, и тут же из-за моего не слишком удачного маневра, кайт упал на снег, да еще успел перевернуться. Перевернутый кайт – это всегда нехорошо, но есть шанс, если ветер неслабый, развернуть его обратно, для чего одну сторону следует приспускать, а другую, наоборот, натягивать. Мне это удалось, кайт сделал оборот влево, как пропеллер, взмыл, но, увы, правый его

край не полностью расправился, похоже, перехваченный парой строп. Кайт тянул, но его край висел сарделькой. Я опустил кайт, снял лыжи и пошел с ним разбираться. Пока я до него дошел, вернее, добежал, он еще под ветром успел покувыркаться, так что стропы еще больше запутались.

Есть негласное правило для кайтиста-чайника: не уезжать слишком далеко от берега. Мало ли что может случиться, и первая из неприятностей - если вдруг пропадет ветер. Тогда придется возвращаться на своих двоих, да еще в тяжелых горнолыжных ботинках, да еще с горными лыжами... На сей раз я этим правилом пренебрег, и напрасно... От берега я был далеко, светило солнце, метрах в трехстах от меня чернели фигурки троих рыбаков. Но они мне не подмога. Лет тридцать назад, когда я, раскатывая на велосипеде по апрельскому льду залива, провалился в полынью, никто из таких вот рыбаков даже не пошевелился, чтобы мне помочь. Выбрался сам и велосипед не утопил...

Довольно долго я возился с кайтом, приводя его в рабочее состояние, а еще поговорил по телефону с женой. Она мне звонила раньше, когда я мчался к маяку и не мог достать мобильник. Я доложил, что со мной все в порядке и волноваться не стоит. А волновалась она привычно, поскольку знала, что с кайтом у меня просто не бывает.

Итак я наконец поднял кайт и двинул к берегу. Однако за это время ветер прибавил, и меня стало сносить в сторону от трассы, прямо к ковшу новой пристани, где летом теперь швартуются огромные многопалубные пассажирские суда-паромы из Скандинавии. Худо-бедно я прокатил с километр, в том числе через торосы, где льдины торчали из снега как шестилитровые бутылки из-под питьевой воды. Счастье, что мне удалось избежать столкновений. Ветер все нажимал, и, как я ни упирался, меня сносило все правее и правее - закантовать лыжи в насте не получалось и скорее не вперед, а вбок кайт и тащил меня. Если так будет продолжаться, то мне уже ни за что не выехать против встречного ветра - придется объезжать пристань с южной стороны. Поэтому я снова опустил кайт и, отстегнув лыжи, пошел налаживать оснастку, поскольку кайт опять успел кувырнуться.

Позвонила жена – сказала, что ей в «Ленту» за продуктами, а потом она может заехать за мной. Я сказал, что не знаю, когда буду у берега, поэтому заезжать не нужно. Снова возня со стропами – на морозе, при минус восьми, на ветру, с голыми руками... но, когда в крови адреналин, руки вообще не мерзнут.

Пока я приводил оснастку в порядок, ветер стал прерывистым, и так я и поехал - зигзагами, констатируя притом, что меня все равно сносит прямо к причальному ковшу. В какой-то момент ветер надал, я не успел на него среагировать, и мой кайт с размаха носом, то есть воздухозаборниками уткнулся в снег.

Тэк-с... Это стало уже надоедать. До причала было метров семьсот, до берега еще плюс километр. Чтобы не упереться в причал, следовало двигаться галсами, под острым углом к ветру. Но к берегу таким образом не получалось - слева кайт начинал складываться, а это означало край ветрового окна, то есть минимум тяги. Оставалось повернуть обратно в сторону маяков, что я и сделал, рассчитывая все-таки отыграть у ветра потерянное. Я поднял кайт, и ветер, словно поджидая этого мгновения, задул так, что меня понесло со скоростью километров 50-60 в час. Господи, так быстро я никогда еще не ездил. Было страшно. Промчавшись с минуту в сторону маяков, я решил больше не испытывать судьбу и опустить кайт. Но как это сделать на такой скорости? От меня ничего не зависело – не я кайтом, а он управлял мной. С трудом я подтянул на себя нижние стропы – кайт заполоскал левым краем, превращаясь в тряпку, но правый надутый край продолжал тянуть – правая рукоятка вырвалась у меня из руки, и, чтобы не упасть, я выпустил кайт. Он схлопнулся, перевернулся в воздухе, свалился в метрах пятидесяти от меня и пополз по снегу – я же припустил за ним, чтобы успеть схватить за ручки. К счастью, кайт так сложился, что скольжение его замедлилось, и я его настиг.

Что в результате? Я снова далеко от берега. Кайт запутан и, похоже, у меня начинаются серьезные проблемы - я не могу добраться до берега. Солнце опустилось ниже, время шло...

Очередной звонок от жены:

- Ты как? Я еще могу за тобой заехать.
- Не знаю. Позвони через минут сорок. Может, я уже буду у берега. А пока далеко.
- Все нормально? – спрашивает она.
- Абсолютно! – говорю я. - Тут хорошо, солнце...

Снова все распутав и наладив, и поехав, на сей раз я остановился еще ближе к пристани – до нее оставалось метров триста, но меня уже отнесло так далеко от моего маршрута, что двигаться дальше не имело смысла. Снег был легкий, рассыпчатый, мои затупившиеся лыжи невозможно было закантовать в жестком насте, сопротивляться мощной тяге я не мог – и меня просто волокло поперек желаемого направления...

В общем, я решил, что с меня на сегодня хватит – осталось сложить кайт, смотать оснастку и пехом дойти до причальной стенки, а там подняться, переобуться и двинуть к берегу. Но тут оттуда послышался лай собак, и я вспомнил, что территория эта охраняется. Не только собаками, но и людьми. Паспорта у меня с собой не было, а разборок, порванных брюк и задержаний как-то не хотелось. Придется идти в обход. Это еще плюс километр. Сложенный кайт я запихнул в рюкзак. Снятые лыжи соединил прочной резинкой от эспандера. Посмотрел на часы - прошло сорок минут, а жена не звонила. Я полез во внутренний нагрудный карман куртки за телефоном – его там не было. Не было его и в нижних карманах куртки и в карманах лыжных брюк...

Как же так? Уронил? Потерял? Однажды я уже терял на заливе телефон и тоже из-за кайта. Я ощупал куртку, жестко перепосанную трапецией, за крюк которой и цепляешь стропы кайта – одними руками это чудовище удержишь недолго. Телефон мог из кармана выпасть внутрь куртки, однако его там не было. Значит, он выпал наружу - я ведь расстегивал куртку, чтобы достать его... Я подумал о всех занесенных в него номерах, которые потеряю, а еще о том, во сколько мне обойдется новый телефон при нынешнем моем (надеюсь, временном) безденежье, и решил вернуться обратно по следам к своей предыдущей остановке, где я и говорил по телефону в последний раз. Видимо, я выронил его, когда наклонялся над оснасткой с ее чертовыми узелками...

Взвалив рюкзак на плечи, с лыжами в руках, в тяжелых горнолыжных ботинках, совершенно не приспособленных для ходьбы, я потопал назад. Да, проехал я километр-полтора, одолел их, можно сказать, потом и кровью, и теперь все это коту под хвост. Жаль. Но и телефона было жалко. Мысль – наплевать на него и забыть, было, появилась, но я ее отмел. Телефон еще можно найти, если не лениться, если вернуться. Так вот почему жена не звонит. Она, конечно же, звонит, но мой телефон там, в снегу, в полутора километрах от меня исполняет свое бразильское самбо и впридачу вибрирует, как бы танцуя...

Возвращаясь по своему следу, я воочию убедился, как трудно я ехал, как мне доставалось - сплошные лыжные зигзаги и вычищенные от снега рифленые проплешины — это где меня тащило поперек. Сколько я так топал не знаю - полчаса, не меньше, а может, и больше. Нельзя сказать, что я сильно устал, но и нельзя сказать, что это было мне в кайф. Удовольствие, ради которого все и было затеяно, уже стало, как говорится, ниже среднего, то есть превращалось в испытание, и я задавал себя вопрос – зачем мне это нужно? Мало мне моих прежних нескладух? И вообще, кайт – это не мое, у меня с ним почти ни разу не было гладко. У других гладко – носятся вперед-назад как угорелые, а у меня фиг. Я и кайт вещи несовместные, ветер никогда не был мне другом...

Моя кривоколенная лыжня, если ее вообще можно назвать лыжней, блестела против солнца на ровном снежном покрове, и я видел ее довольно далеко вперед. Солнце продолжало светить, но все ниже над горизонтом. Вдалеке чернели две колонны маяков, до которых я, надо же, так легко доехал еще несколько часов назад, а черных точек рыбаков слева от них уже не было.

Через полчаса или больше я приковылял к своей предпоследней остановке – ее красноречиво отмечали мои многочисленные следы туда и обратно вдоль положенных на снег двадцатипятиметровых строп. Там же, где лежало полотнище кайта, было вообще изрядно натоптано — не втоптал ли я ненароком в снег и свой телефон? Моего серебристого мобильника, не очень-то приметного на белом покрове, что-то не было видно. Я поискал и там, где были ручки от кайта, и возле самого кайта - пусто.. Я поразгребал снег ногой, уже не веря в удачу. Вообще, в одном и том же деле может повезти лишь один раз, а с потерянным на заливе мобильником мне уже однажды повезло. Я представил, как он еще несколько дней будет звонить, пока не разрядится, потом его заметет последняя мартовская пурга, потом он вмерзнет в лед и сам станет ледышкой, потом лед растает, и мой контактер плавно пустится на дно – со всеми номерами моих близких и друзей, знакомых и деловых партнеров и с несколькими дорогими мне эсэмэсками, которые я там хранил уже почти пять лет... А жена, небось, звонит, а я не отвечаю, и она там потихоньку начинает сходить с ума...

И тут что-то вдруг зажужжало-загремело мне в левое ухо – телефон! Вот он где! Я и забыл, что сам всунул его тонкой половинкой под шлем, то есть между шлемом и подшлемником, где он и оставался все это время – пока я возился с кайтом, пока мотался туда-сюда, пока... Елы-палы, как же так?! Звонила, естественно, жена. Нет, чтобы раньше - сорок минут назад...

- Я тут на берегу в машине – сказала она, - ты где? Кайты вижу, а твой – нет.

- Я старый дурак, - сказал я. - Я думал, что потерял телефон, я пешком отправился его искать по своему следу, теперь я снова далеко. Надо было тебе раньше позвонить. Зачем я перся назад? Езжай домой. Я как-нибудь сам доберусь.

- Что значит «как-нибудь»?- спросила жена. - Как ты себя чувствуешь?

- Чувствую себя идиотом. А так все нормально, я сам доберусь. На кайте доеду. А если будет плохо – позвоню.

- Что значит плохо? – встревожилась жена.

- Ну, если почувствую на берегу, что сам до дома не доберусь...

- Может, мне тебя подождать? - сказала жена.

- Нереально, - сказал я, - езжай домой. Не волнуйся. Все будет окей.

Солнце уже висело над самым горизонтом, окрасив оранжевым чистый темно-синий небосвод, на котором проявились несколько звезд и молодой месяц, а где-то дальше темных колонн двух маяков плыла запятая еще одного кайта. Моя тень на снегу тянулась чуть ли не до берега...

Итак, что нужно было сделать? Если здесь поднять кайт и поехать – это в итоге снова упереться в стенку ковша пристани с собаками. И как потом выбираться? Я решил выйти на свой след, несколько часов назад принесший меня к маяку. Оттуда, упершись рогом, и попробую не уступить ветру ни метра в сторону причала. И я потопал навстречу ветру, пока метров через пятьсот не наткнулся на свою первую лыжню – идеально ровную, легкую, стремительную, как полет стрелы. Это несомненно была она. Пока я раскладывал кайт, солнце уже наполовину скрылось за горизонтом, и я заторопился, опасаясь, что в сумерках не разберусь со своими стропами, тем более, что на сей раз они как назло оказались основательно перепутанными, так что мне пришлось отстегивать их от оснастки и от рукояток, и определять, что к чему...

Но я успел, а сумерки все медлили – солнце закатилось, но из-за горизонта шел оранжевый свет. Но вот незадача. Еще полчаса назад, когда ветер был слишком силен, я просил его попритихнуть, и вот теперь, похоже, услышав меня, он так и сделал. У меня все было готово, а ветра не было. Прежде он заявлял о себе свистом в ушных прорезях моего шлема – теперь шлем молчал, а воздухозаборники лежащего на снегу кайта, который я приподнимал натяжением верхних строп, так и не наполнялись. Видимо, в момент, когда солнце уходит за горизонт, в

природе все замирает. Интересное кино – идти пешком до берега? Дорого это мне обойдется. А на горных лыжах, коньковым шагом – еще дороже: через метров сто - как с гирями на ногах... Так и сердце можно надорвать, которое и без того уже несколько часов давало больше ста ударов в минуту, при моих обычных шестидесяти. В мои годы с этим уже приходится считаться.

Так, с рукоятками строп, я постоял минут десять, обращаясь ветру:

- Послушай, помоги мне. Мне нужно домой. Я устал. Ну что тебе стоит? Помоги, слышишь?

И ветер услышал – задул сначала неохотно, так что я с трудом поднял кайт, а затем сильнее, а потом вдруг приналег, и меня понесло к берегу. Господи, только бы не упасть. Чтобы ослабить напор ветра, я поднял кайт как можно выше и отслеживал каждое его намерение, ибо для ошибки было бы достаточно доли секунды. Он меня слушался, и я его вслух хвалил... В считанные мгновения мы долетели до стенки пристани и миновали ее примерно там же, где и пролежала моя первая лыжня - ее я уже не видел в сгустившейся тьме. Мне оставался всего километр. Весь берег был в огнях, и я мчался к нему то через снежные наносы, то через гулкие голые наледи, то по хрустящему насту. К ночи подморозило.

Какой-то запоздалый лыжник или, скорее, лыжница в оранжевом спортивном костюме ковыляла в моем же направлении – я обогнал ее, почувствовав спиной, что она, тоже уставшая, мне завидует, - обогнал и уже возле самого берега опустил кайт. Господи, как хорошо! Я испытывал счастье. Теперь я понимал, зачем мне это все – вот ради мгновения абсолютной эйфории, ради преодоления всего, что было.

И так до самого дома – сначала пехом, потом на автобусе, потом снова пешком, с тяжеленным рюкзаком, нагруженным моей амуницией, плюс лыжи, я радовался жизни и всем ее вечерним проявлениям: огням в окнах домов и огням рекламы, машинам, автобусу, который меня вез, кондукторше, которой я предъявлял свою проездную карточку, толпе, переходящей улицу под зеленым глазом светофора, лифту, который поднял меня на второй этаж, и даже повороту ключа в замке двери, за которой меня ждали мои близкие.

17 марта 2013